

ления этих промежуточных наименований в других контекстах и использования их в номинативной ситуации отсутствуют.

Например:

«мезени-**железени**, никола-**колокола**,
Лампожня-**песцы**, Заозерье-**кресцы**» (ТЭ),
«Юрома-**воровка**, Тиглява-**колотовка**» (ТЭ).

Хотя данные примеры, на первый взгляд, представляют собой пример топонимической номинации, они, скорее всего, должны быть отнесены к периферии коллективных прозвищ, так как в большинстве случаев представляют собой опосредованную характеристику жителей этих населенных пунктов.

Таким образом, выделяется целый ряд явлений, близких к коллективным прозвищам, но отличающихся от них по разным основаниям и должным быть отнесенным к периферии сферы функционирования коллективных прозвищ. Наличие таких явлений, близких по своей природе, позволяет более отчетливо и объемно представить характер и границы интереснейшего разряда ономастики – коллективных прозвищ.

Д.П. Гулик

Вторичные этнонимы и отэтнонимические дериваты английского языка в свете языковой картины мира

В настоящей статье рассматриваются два типа лексических единиц, связанных с этнонимической системой языка: 1) **вторичные этнонимы** (далее ВЭ) – неофициальные, прозвищные названия народов, этнических сообществ и групп (синонимы: прозвищные этнонимы, этнические прозвища); 2) **отэтнонимические дериваты** (далее ОД) – этнонимы и их дериваты, которые, выступая как самостоятельные лексические единицы либо в составе устойчивых словосочетаний, имеют лексикографически закрепленные производные значения. Последние, в свою очередь, являются узуальной «материализацией» коннотаций, характерных для данных этнонимов. Эти лексические единицы рассматриваются как языковой материал, в котором нашли свое отражение образы представителей тех или иных национальностей и этнических групп (причем образы заведомо искаженные – в силу действия закономерностей кросс-культурной психологии, а также различных языковых факторов), а вся эта лексика в совокупности – как некое отражение в языке «иноплеменного мира». Другими словами, данная лексика анализируется в качестве возможного источника информации о **фрагменте языковой картины мира**, связанного с концептами «**инородец**» и «**иноплеменный мир**».

Цель настоящей статьи – на конкретном языковом материале (в частности, английского языка) обосновать правомерность использования такого рода языковых фактов в концептуальном анализе в рамках любого языка, а также апробировать основные принципы этого анализа. Фрагмент языковой картины мира, о котором идет речь, есть отражение в языке «наивной мифологии», описывающей свойства и особенности отдельных «инородцев». Подобное исследование, по определению, не может иметь отношение к «этнической реальности» как таковой, а лишь описывает реальность языковую.

Для изучения языковой картины весьма важен выбор релевантного языкового материала – тех фактов языка, которые могут содержать в себе некое обобщенное знание о мире (в нашем случае – об «иноплеменном мире»). Различным языковым структурам присуща разная степень объективации знания¹, которая определяется коэффициентами устойчивости (воспроизводимости, моделируемости) соответствующих языковых структур, вследствие чего можно предложить иерархию языковых носителей концептуальной информации, отражающую снижение объективированных и нарастание субъективных моментов при трансляции этой информации: 1) внутренняя форма; 2) деривационные связи; 3) концептуальное ядро значения; 4) коннотация; 5) типовая (узуальная) сочетаемость; 6) парадигматические связи (синонимия, антонимия и т.д.); 7) «свободная» текстовая сочетаемость; 8) ассоциативные связи².

Ниже будут последовательно рассмотрены ВЭ и ОД в плане содержащихся в них языковых структур – носителей концептуальной информации об «инородцах» в языковой картине мира.

Внутренняя форма ВЭ. ВЭ, как и другие коллективные прозвища, нередко имеют «прозрачную» внутреннюю форму, в которой получает отражение одна из характеризующих – с точки зрения номинирующей группы – черт этноса. В связи с этим часто говорят о характеризующей функции прозвищ вообще и этнических – в частности. Таким образом, во внутренней форме ВЭ (если, конечно, таковая обнаруживается) отражается «наивное» видение того или иного народа другим народом, в силу чего внутреннюю форму ВЭ можно считать источником концептуальной информации. Однако и при отсутствии у ВЭ интерпретируемой в концептуальном плане внутренней формы (например, в случае, когда ВЭ представляют собой трансформированные «первичные» этнонимы – см. ниже) можно говорить о наличии некой минимальной и самой общей концептуальной информации (как правило, это *этнопейоративность*)

¹ Березович Е.Л. Русская национальная личность в зеркале языка: в поисках объективной методики анализа // Русский язык в контексте культуры. Екатеринбург, 1999. С. 31–42.

² Там же. С. 40.

на уровне семантики словообразовательной модели, фоносемантики и, наконец, прагматического значения (последнее практически всегда обнаруживается у ВЭ, о чем свидетельствуют словарные пометы типа *презрительно, пренебрежительно, derogatory, pejorative*).

Рассматривая ВЭ как источник концептуальной информации, необходимо иметь в виду особенности функционирования этой лексики. Все ВЭ имеют ярко выраженную пейоративную окраску, которая, как правило, отчетливо ощущается носителями языка [CU, 169]. Поэтому употребление ВЭ ограничено как социально, так и ситуативно: они являются «актуальными», например, во время войн и разного рода межэтнических и межгосударственных конфликтов либо в определенных (обычно маргинальных) слоях общества.

Концептуальный анализ ВЭ может включать рассмотрение данной лексики в следующих аспектах: 1) классификация ВЭ с точки зрения реализуемых моделей номинации; 2) задействованные в ВЭ словообразовательные модели и их семантика; 3) фоносемантические особенности ВЭ; 4) участие ВЭ во вторичной номинации; 5) ВЭ в свете феномена языкового творчества (в частности, языковой игры). Покажем возможные направления такого анализа на примере ВЭ английского языка.

По моделям номинации обнаруженные ВЭ английского языка можно разделить на следующие группы.

1. Номинация от «первичного» этнонима. ВЭ этой группы образованы от соответствующих собственно этнонимов – английских (группа 1а) либо из языков номинируемых этнических групп, т.е. самоназваний (группа 1б). Эта обширная группа ВЭ наименее интересна с точки зрения трансляции концептуальной информации о каждом отдельном «инородце», однако важна для раскрытия концепта «иноплеменный мир» самим фактом вторичного наименования определенных этносов.

1а. Словообразовательная трансформация английского «первичного» этнонима, например: *Canuck* (< *Canadian*) ‘канадец’ (особ. франкоязычный) [CS, 91; L, 714], *Jap* (< *Japanese*) ‘японец’ [L, 702], *Paki* (< *Pakistani*) ‘пакистанец’ [L, 952].

1б. Словообразовательная трансформация самоназвания: *Chicano* (< *Mejicano / Mexicano* (исп.)) ‘мексиканец’ [L, 207], *Nip* (< *nipponjin*) ‘японец’ [S, 810].

2. Номинация по названию другой национальности (модель «этнос₁ → инородец/чужак → этнос₂»): *Chinaman* («китаец») ‘ирландец’ [S, 255], *Paddy* («ирландец») ‘китаец’ [S, 963].

3. Номинативный признак – «место обитания»: *Balt* («с берегов Балтийского моря») ‘любой иммигрант из Европы (австрал.)’ [S, 123], *Froglander* («житель страны Лягушек») ‘голландец’ [S, 430].

4. Номинативный признак – «особенности речи».

4а. Распространенный антропоним: *Ikey Mo* (<Isaac + Moses) 'еврей' [S, 585], *Sawney* (<Sandy, уменьш. от *Alexander*) 'шотландец' [S, 1014], *Taffy* (<Davy, уменьш. от David, валлийский вариант – Dafydd), 'валлиец' [S, 1194].

4б. Слово из речи: *shonk; shonker; shonkie*, -у (<*shoniker* (идиш) – 'коробейник', 'мелкий торговец'), 'еврей' [CS, 456], *wop* (<*giappo* (ит., сицилийский диалект; исп.) 'красивый') 'итальянец', 'любой иностранец' [CS, 620; L, 1511].

4в. Особенности английской речи представителей номинируемой группы: *Sawney* (<*Sandy* + особенности шотландского акцента) 'шотландец' [S, 1014], *Taffy* (<*Davy* + особенности валлийского акцента) 'валлиец' [S, 1194].

5. Номинативный признак – «внешний вид / перцептивный образ»: *pongo* (<*pong* 'вонять') 'негр', 'цветной', 'иностранец' [CS, 382], *slant* (<*slant-eyed* 'раскосый') 'представитель дальневосточной национальности, особ. японец' [CS, 462], *vekcro-head* 'голова-липучка' (*Velcro* – название материала (торговая марка) для соединения частей одежды, применяемого вместо пуговиц, шнурков («липучка») 'негр' [CS, 637].

6. Номинативный признак – «особенности быта».

6а. Пища: *Frog, Froggie*, -у («лягушка») 'француз' [S, 429, 430; L, 521], *spaghetti-eater* («тот, кто ест спагетти») 'итальянец' [CS, 472].

6б. Одежда: *towel-head* «обмотанная полотенцем голова» 'араб' [CS, 483].

6в. Домашнее хозяйство: *elper* (<*kelp* 'бурая водоросль', 'ламинария', используется в качестве топлива и удобрения жителями скалистых островов [CS, 304]) 'аргентинец, житель Фолклендских островов' (во время англо-аргентинского конфликта 1982 г. и позднее) [CS, 304].

7. Номинативный признак – национальная эмблема: *kiwi* («киви» – новозеландская нелетающая птица с очень широкими крыльями; эмблема Новой Зеландии) 'новозеландец' [L, 725].

8. Номинация на основе масс-культурных аллюзий. Выделяем здесь эту группу условно для того, чтобы продемонстрировать своеобразие современных номинативных моделей для ВЭ. В данном случае номинация этнических групп основывается на их сходстве (с точки зрения номинируемой группы) с общеизвестными телевизионными кукольными персонажами: *kermi* (<*Kermit the Frog*, «Лягушонок Кермит» (из кукольного сериала *The Muppet Show*) 'француз' [CS, 305].

9. Номинация на основе рифмованного сленга. Рифмованный сленг – весьма распространенное явление. Как способ вторичной номи-

нации он может использоваться для самых разнообразных объектов, в том числе и этнических групп. Данная группа ВЭ, по нашему мнению, вряд ли может представлять интерес как источник концептуальной информации, поскольку эти ВЭ являются прежде всего закрепившимися в языке случаями языковой игры, а не отражением неких стереотипных представлений. Например: *widow* 'вдова' (<*Widow Twankey* – персонаж пантомимы «Аладдин» [CS, 670] → *Yankee*, ВЭ 'американец') 'американец' [CS, 670], *potter* («гончар» (*pot o' glue* «горшок с клеем» → *Jew*, 'еврей') 'еврей' [CS, 388].

Цель рассмотрения ВЭ с точки зрения реализованных в них словообразовательных моделей, а также в плане возможных фонетических значений – обнаружение случаев трансляции какой-либо семантики на соответствующих уровнях (хотя последняя, как правило, является весьма обобщенной и не поддающейся детальной концептуализации).

В ходе словообразовательного анализа английских ВЭ выявлены случаи трансляции общего пейоративного значения посредством «уменьшительно-уничижительной» словообразовательной модели «усечение+уменьшительный суффикс *-ie/-y*»: например, *Argie* (< *Argentinian*) 'аргентинец', *Paddy* (< антропоним *Patrick*) 'ирландец', *shonkie* (< *shoniker* (идиш) 'мелкий торговец') 'еврей'.

Фоносемантические свойства ряда ВЭ английского языка обладают ярко выраженными пейоративными характеристиками, что делает их продуктивными для дальнейших номинаций подобного рода.

Рассмотрим ВЭ *Gook* [S, 489; CU, 169]. Это слово появилось в языке в годы войны США в Корее (1951–1953 гг.) как презрительная кличка корейцев (возможно, из корейской морфемы *-kuk*, присутствующей в названии стран [S, 489]) и само по себе больше ничего не означало. Позднее, в годы войны во Вьетнаме, оно стало употребляться в таком качестве по отношению к вьетнамцам, а в период столкновений между Великобританией и повстанцами в Южной Родезии (в 1970-е гг.) применялось британцами в качестве презрительной клички по отношению к африканцам. Такому интенсивному функционированию данного слова в качестве «абсолютного» этнопейоратива способствовало его фонетическое значение: звукокомплекс [guk] является в терминах фоносемантики ярко выраженным **лабиальным пейоративом**.

Имеются случаи, когда ВЭ – самостоятельно либо в составе словосочетаний – получают производные значения и, таким образом, участвуют в различных видах **вторичной номинации**. Приведем некоторые примеры.

1) Реализация коннотаций, характерных для соответствующего «первичного» этнонима: *Paddy* ‘ирландец’ → ‘гнев’, ‘ярость’; *Shonkie* ‘еврей’ → ‘жадный человек’.

2) Метонимический перенос: *Paki* «пакистанец» → ‘магазин, которым владеет пакистанец либо любой другой выходец из Азии’ [L, 952].

3) Расширение значения: *Ivan* [CS, 251] ‘русский’ → ‘славянин из Восточной Европы’; *Dago* [L, 318] ‘испанец’ → ‘представитель любого из романских народов Южной Европы’.

4) Перенос на другой этнос: *Pat* ‘ирландец’ → ‘китаец’.

Наконец, ВЭ возможно рассмотреть в свете проблемы **языкового творчества**, понимаемого как намеренное (осознанное) отклонение от языкового стандарта в речевом поведении личности, которое обусловлено специальной прагматической установкой речевого акта и индивидуальными возможностями говорящих в реализации потенциала языковых единиц³. В данном аспекте некоторые ВЭ видятся как узуально закрепленные случаи **языковой игры**. Прагматическая установка на достижение комического эффекта проглядывается в способе номинации, характерной для группы 9 («рифмованный сленг»), в некоторых ВЭ группы 5 («перцептивный образ»). С точки зрения конструктивных принципов языковой игры оба случая могли бы быть отнесены к ассоциативному отождествлению⁴. В случае с рифмованным сленгом имеет место «парадоксальное» отождествление ассоциантов (в нашем случае – некоего прецедентного текста и определенного этнонима) по схожести их формы, а именно – рифмуемости (например, *four-by-two* → *Jew* ‘еврей’ [CS, 153]). Для ВЭ с номинативной моделью «перцептивный образ» (группа 5) часто характерно не лишенное юмора (а потому и относимое к языковой игре) отождествление на основе семантической обусловленности (например, ВЭ *spook* («привидение») ‘негр, чернокожий’ [CS, 475] содержит во внутренней форме иронический намек на черный цвет через его противоположность – белый цвет привидения). Для ВЭ группы 4в («особенности акцента») можно говорить о языковой игре, основанной на юмористическом пародировании национального колорита речи в расчете на эффект узнаваемости.

Переносные значения этнонимов и их производных в ОД как языковое проявление этноконнотаций. Свойство коннотаций, связанное с их повторяемостью, значимостью для всего языкового коллектива, позволяет считать их одним из носителей концептуальной информации в языке. Коннотации слова могут «материализоваться» в переносных

³ Гридина Т.А. Языковая игра: стереотипы и творчество. Екатеринбург, 1996.

⁴ Там же. С. 22.

значениях, производных словах, фразеологических единицах, определенных типах синтаксических конструкций, в семантических областях действия одних единиц относительно других.

Известно, какую большую коннотативную нагрузку могут нести названия национальностей. Коннотации, присущие определенным этнонимам, называются *этноконнотациями*. Таким образом, рассматриваемые в статье ОД представляют собой случаи языкового проявления этноконнотаций, зафиксированные в словарях. К таким случаям относятся: 1) переносные значения (например, *German* («немец») ‘злой, агрессивный человек’⁵); 2) закрепленные во фразеологизмах метафоры и сравнения (*Dutch courage* («голландская смелость») ‘пьяная удаль’ [L, 398; Ф, 179]); 3) производные слова (*welsh* – непереходный глагол от *Welsh* («валлийский») – ‘уклоняться от уплаты долга’; *welsher* ‘человек, уклоняющийся от уплаты долга’ [L, 1489; CU, 619]).

Сюда же относятся все случаи подобного функционирования и ВЭ, когда последние заменяют собой собственно этнонимы и при этом получают переносное значение (иногда это варианты одного и того же фразеологизма). В таком случае можно говорить о двойном кодировании «этнической информации» – на уровне внутренней формы самих ВЭ и на уровне этноконнотаций, реализуемых в производных и фразеологически связанных значениях, которые теперь уже получает ВЭ. Например, *Paddy* – ВЭ со значением ‘ирландец’ – может получить и производное (переносное) значение ‘ярость’, ‘гнев’ [S, 847], а в устойчивом выражении *Paddy’s apricots* (ср. *Irish apricots*) «абрикосы Пэдди/ирландские абрикосы» имеет фразеологически связанное значение ‘картофель’ [S, 848].

Причины образования определенных коннотаций у этнонимов носят экстралингвистический характер: они связаны с историческим, политическим, религиозным и психологическим контекстом существования данных лексем и их референтов. Все эти экстралингвистические причины дают толчок формированию коннотаций этнонимов, которые потом могут закрепляться в них узואльно, становясь семантическим ядром производных и фразеологически связанных значений. Однако внеязыковые факторы не всегда являются единственными в процессах формирования и развития этноконнотаций. В ряде случаев коннотации могут продолжать существовать, развиваться и «детализироваться» уже вне всякой связи с внешними причинами, однажды давшими толчок к их возникновению, только под влиянием внутриязыковых факторов и в соответствии с чисто лингвистическими закономерностями.

⁵ Partridge E. Offensive nationality // Words, Words, Words! N.Y., 1933. P. 3.

Важно заметить, что не всякий случай использования этнонима (или его деривата) во вторичном наименовании следует рассматривать как языковое проявление этноконнотации. Иногда этноним используется как прямая (и не связанная с коннотациями) аллюзия на дифференциальный признак, лежащий в основе вторичной номинации предмета или ситуации. Например, одно из переносных значений слова *Greek* («грек») – ‘член неформального объединения студентов определенного университета’ («студенческого братства») – возникло вследствие того, что эти объединения традиционно именуются по названию греческих букв, например: *Sigma Nu* [L, 1266].

Встречается также немало выражений с этнонимами, где вторичная номинация является следствием разных видов языковой игры. Частое явление – рифмованный сленг. Например: *Germans* < *German bands* («немецкие оркестры») = *Hands* («руки»); *German flutes* («немецкие флейты») = *Boots* («ботинки») [S, 498] (такая «игровая» номинация может основываться на внешней схожести слов, например: *hungarian* («венгр») = *hungry* («голодный») → *a beggar* («нищий») [S, 502]).

Итак, имеются устойчивые выражения с этнонимами и их дериватами, где их «вторичное» значение не является «материализацией» этноконнотаций. Поэтому следует сформулировать критерий отбора именно «этноконнотативной» лексики: вторичное значение этнонима (или его деривата), выводимое из семантики некоего устойчивого идиоматического выражения или «идиоматического» производного слова, считается языковым проявлением определенной этноконнотации, если такое же или близкое значение оказывается характерным для данного этнонима хотя бы в нескольких других устойчивых выражениях или производных словах.

В лексической системе языка, помимо ОД, в которых «материализуются» этноконнотации и которые представляют несомненный интерес для концептуального анализа, существует, как правило, немалое количество этнически маркированных обозначений предметов материальной культуры – словосочетаний с отэтнонимическими прилагательными, являющихся названиями товаров, предметов быта, одежды, блюд, ведущих свое происхождение из определенной страны (например, *French window* «французское окно» – «двустворчатое окно, доходящее до пола и служащее в качестве двери» [M, 291], *Dutch carpet* «голландский ковер» – «половик из грубой полушерстяной ткани»). Проблема анализа такого рода лексики при выявлении соответствующего фрагмента картины мира является весьма спорной. Основной аргумент «против» – то, что в таких словосочетаниях отэтнонимическое прилагательное не имеет «вторичного», фразеологически связанного значения, а лишь содер-

жит «фиксированную этническую аллюзию», раскрывающую мотивировку выражений⁶, а именно – ссылку на страну (культуру), из которой данный предмет был заимствован. С другой стороны, возможно обосновать и правомерность включения этнически маркированных обозначений материальной культуры в рассмотрение при выявлении фрагмента языковой картины мира, отражающего концепт «иноплеменный мир». Главным аргументом в пользу такого включения является тезис о том, что данная лексика фиксирует «языковое видение» других культур через определенные материальные предметы: заимствованных из других культур предметов быта и т. п. на самом деле всегда больше, чем названий, отражающих в языке факт такого заимствования. Поэтому в свете языковой картины мира оказывается немаловажным то, почему именно эти предметы видятся в языке как «представители» иной культуры, а не другие предметы, также, может быть, заимствованные, но не получившие соответствующего наименования.

Например, немало предметов материальной культуры было заимствовано англичанами у французов (одежда, блюда, архитектура), при этом очень часто для их обозначения адаптировалось в английском языке соответствующее французское слово. Однако в названии лишь некоторых из них подчеркивается факт их французского происхождения (например, *French loaf* ‘французский батон’, *French chalk* (дословно – «французский мел»), ‘портняжный мел’, *Franch horn* («французский рожок»), ‘валторна’ [М, 291] и др.).

Проблема включения/невключения этнически маркированных обозначений предметов материальной культуры в круг фактов, актуальных для рассмотрения языковой картины мира, связана и с довольно значительным объемом данного пласта лексики. Дело в том, что многие обозначения такого рода приближаются по своему функциональному статусу к терминологии тех или иных областей профессиональной деятельности, и поэтому данная лексика во всей своей совокупности не является в одинаковой степени значимой для всего языкового сообщества. По нашему мнению, релевантными языковой картине мира (по определению «обобщенной»; «объективированной») будут только те обозначения, которые являются максимально значимыми для всего английского языкового сообщества. Поэтому принципиальным является то, чтобы отбор данных словосочетаний ограничивался рамками словаря, охватывающего лишь общезначимую лексику (например, L, M для английского языка).

Образ «инородца» в языковой картине мира. Сделаем несколько общих замечаний относительно описания и сопоставления образов

⁶ Амосова Н. М. Основы английской фразеологии. М., 1963.

представителей отдельных этнических групп в языковой картине мира (будем их называть **языковыми портретами «инородцев»**).

Языковой портрет того или иного «инородца» представляет собой набор определенных черт и характеристик (мотивов), выводимых на основе концептуального анализа соответствующих ВЭ и ОД. Для ВЭ источником такой информации, напомним, является внутренняя форма, а также переносное значение (в случае участия ВЭ во вторичной номинации), для ОД – переносное значение этнонима (или производного от него слова).

Образ человека, как известно, многоаспектен. Человек может рассматриваться и отражаться (в частности, в языке) как существо биологическое (сюда включаются понятия «внешность», «сексуальная сфера»), психическое («черты характера»), интеллектуальное, социальное, экономическое и т.д. В реальности все эти аспекты существования человека тесно взаимосвязаны. Однако в языке эти грани могут получать свое отражение по отдельности (либо не иметь этого отражения вовсе). С другой стороны, объекты, в том числе и человек, могут отражаться в сознании, напротив, без всякой детализации, а лишь в виде общих оценочных характеристик (например, ‘непонятный’, ‘ложный’ и т.п.).

Для того, чтобы иметь возможность сопоставить языковые портреты различных «инородцев» между собой, необходимо соотносить выделяемые мотивы с некой общей схемой рассмотрения языкового образа человека, в котором были бы заранее учтены потенциально возможные отдельные аспекты такого отражения, а также направления создания обобщенных характеристик в языковых портретах. В качестве такой схемы языкового отражения человека предлагаем следующий набор потенциально возможных идеограмм:

«Отобъектные» характеристики: речевые характеристики (имя; особенности речи); место обитания; биологические характеристики (внешность; гигиенические характеристики; сексуальная сфера); менталитет (психика: черты характера, вредные привычки; характеристики интеллекта; убеждения: религиозность и т.п.); социальные характеристики (отношение к окружающим: гостеприимство, скупость, хитрость, хамство и т.д.; экономическая сфера: бедность/богатство, быт; род занятий).

«Отсубъектные» характеристики: «непонятный»; «неподобающий», «неправильный», «несоответствующий»; «ложный», «поддельный», «противоположный»; общая негативная оценка.

В качестве примера ниже представлен языковой портрет «ирландца» на основе концептуального анализа соответствующих ВЭ и ОД. Результаты этого анализа – мотивы («черты» портрета), составляющие струк-

туру концепта. Сами лексические единицы (вместе со всей исходящей из них информацией) распределены в соответствии с отражаемыми в них аспектами образа человека – по «ячейкам» схемы потенциально возможных идеограмм (см. выше).

Языковой портрет «ирландца»

1. **Имя (Patrick, Michael):** *Paddy, paddy* (уменьш. от популярного среди ирландцев мужского имени *Patrick. Saint Patrick* (Св. Патрик) – покровитель Ирландии. *Saint Patrick's Day* (День Св. Патрика, 17 марта) – ирландский национальный праздник) 'ирландец' [S, 847; L, 951]; *Mick* (уменьш. от популярного ирландского мужского имени *Michael*. Архангел Михаил высоко почитаем католиками Ирландии) 'ирландец' [S, 735]).

2. **Место обитания (болото):** *straight from the bog* («прямиком с болота») 'типичная реплика по отношению к невоспитанному, необразованному ирландцу' [S, 1163].

3. **Внешность (черные глаза, толстые ноги):** *Irishman's coat of arms* («герб ирландца») 'черный глаз' [S, 600]; *Irish beauty* («ирландская красавица») 'черноглазая женщина / девушка' [S, 600]; *have been to / have danced at an Irish wedding* («побывать / потанцевать на ирландской свадьбе») 'быть черноглазым' [S, 600]; *Irish arms, the* («ирландские руки») 'толстые (женские) ноги («об ирландских женщинах говорят, что с высочайшего позволения Папы Римского им можно «носить» свои ноги наоборот, т.е. утолщенной частью вниз»)»' [S, 600]; *Irish legs* («ирландские ножки») '(очень) толстые ноги' [S, 600].

4. **Гигиенические характеристики (нечистоплотность):** *Irish draperies* («ирландская драпировка») 'паутина' [S, 600].

5. **Сексуальная сфера (сексуальная распушенность):** *Irish whist (where the jack akes the ace)* («ирландский вист (в котором валет берет туза)» 'половой акт' [S, 600]; *Irish root* («ирландский корешок») 'пенис' [S, 600]; *Irish toothache* («ирландская зубная боль») 'приапизм', 'беременность' [S, 600].

6. **Психика (гнев, ярость, агрессивность):** *Irish* («ирландское») 'гнев' [S, 600]; *Paddy (paddy)* (< ВЭ) 'гнев', 'ярость' [S, 847]; *paddy-whack* («сильный, с шумом, удар Пэдди») 'гнев', 'ярость' [S, 848]; *get up one's Irish* («разбудить в себе ирландца») 'разозлиться' [S, 600; M, 378]; *Irish confetti* («ирландское конфетти») 'камни и другие тяжелые предметы, которыми бросаются во время демонстраций и беспорядков', 'обломки кирпичей' [CS, 240].

7. **Характеристика интеллекта (невежество, глупость):** *Irish* («ирландский») 'уничижительный эпитет со значением 'грубый, неотесанный, необразованный, невоспитанный' [S, 600]; *Irish joke* («ирланд-

ский анекдот / шутка») 'анекдот про ирландца, где он обычно изображается глупым' [S, 600; L, 695].

8. **Отношение к окружающим:** а) нечестность, жульничество: *Irishman, the* («ирландец» – как название «маневра» – см. семантику) 'получение денег обманным путем (посредством вхождения в доверие к жертве)' [S, 600]; *Irish toyle* («ирландская ловушка») 'вор в облики корабейника / мелкоторговца' [S, 600]; *come (the) paddy over* («превзойти (даже самого) Пэдди (=ирландца)») 'мистифицировать, обманывать, надувать' [S, 847]; *Greek* («грек» – ВЭ со значением «карточный шулер») 'ирландец' [S, 501]; б) наглость, бесстыдство, самоуверенность: *Irish assurance* («ирландская самоуверенность») 'наглость', 'бесстыдство', 'наглое / бесстыдное / самоуверенное поведение' [S, 600]; *have been dipped in the Shannon* («быть (однажды) погруженным в Шеннон – реку в Ирландии») 'быть наглым, самоуверенным' [S, 1043]; в) гостеприимство: *Irish welcome* («ирландское гостеприимство») 'приглашение заходить в гости в любое время' [S, 600].

9. **Экономическая сфера (примитивный быт, бедность):** *Irish fortune* («ирландское наследство/приданое») 'pudendum muliebre да деревянные башмаки' [S, 600]; *Paddy's market* («рынок для Пэдди» = ирландца) 'рынок, где продаются подержанные вещи' [S, 848]; *Irish apricots / apples / lemons / plums* («ирландские абрикосы / яблоки / лимоны / сливы») 'картофель' («об ирландских судах обычно шутят, что они загружены фруктами и древесиной, имея в виду картошку и метловище») [S, 600; CS, 240]; *Paddy's grapes* («виноград Пэдди» = ирландца) 'картофель' [S, 848]; *Irish harp* («ирландская арфа») 'скребок с длинной ручкой' [S, 600].

10. **Род занятий (связь с полицией):** *Paddy waggon* («Пэдди-фургон»; Пэдди – 'ирландец') 'тюремный автомобиль', 'каталажка' («... возможно, вследствие преобладания ирландцев среди полицейских США либо, с другой стороны, вследствие большого числа ирландцев, перевозимых в таких фургонах» [S, 848]); *Paddy's taxi* («такси Пэдди-ирландца») 'полицейский патрульный автомобиль (в США)' [S, 848].

11. **Убеждения (религиозность):** *Irishman's dinner* («обед ирландца») 'пост' [S, 600].

12. **'Непонятный':** *You are Irish* («Ты – ирландец») 'Ты говоришь непонятно / невнятно' [S, 600]; *Chinaman* («китаец») 'ирландец' [S, 259]; *Greek* («грек») 'ирландец' [S, 287].

13. **'Неподобающий, неправильный, несоответствующий (ложный, поддельный, противоположный):'** *Irish evidence* («ирландское свидетельство») 'ложное свидетельство' [S, 600]; *weep Irish* («рыдать по-ирландски») 'лить неискренние слезы' [S, 600]; *Irish compliment*

(«ирландский комплимент») ‘саркастическое (ироническое) замечание’ [S, 600]; *Irish rise / promotion* (*Irishman's rise / promotion*) («продвижение по службе по-ирландски») ‘понижение в должности и оплате’ [S, 600]; *Irish battleship* («ирландский линкор») ‘баржа’ [S, 600]; *Irish man of war* («ирландский боец / участник военных действий») ‘обычный’, «среднестатистический» гражданин с берегов Темзы (т.е. заведомо обитающий в тылу)’ [S, 600]; *Irish hurricane* (*Irishman's hurricane*) («ирландский ураган») ‘полный штиль’ [S, 600]; *Irishman's rest* («отдохнуть по-ирландски») ‘когда идешь в гости к другу, чтобы помочь ему таскать кирпичи’ [S, 600]; *paddy-row* («Пэдди-скандал/ссора/свалка») ‘когда оружие больше расчехляют, чем его применяют; когда кулаки заменяются тростями’ [S, 848]; *Irish pennants* («ирландские вымпелы / флажки / шкентели») ‘свободные концы веревок (на судне)’ [S, 600]; *Irishman's reef* («ирландский риф (у паруса)») ‘связанная головная часть паруса’ [S, 600]; *Paddy's watch* («бдительность Пэдди-ирландца») используется как намек на ирландский старшинский и рядовой состав, которые утверждают, что они всегда начеку [S 848]; *Paddy's lantern* («светильник Пэдди-ирландца») ‘луна’ [S, 848].

14. **Общая негативная оценка:** *at the mike* («у самого Мика-ирландца») ‘вызывающий неприятности’ [S, 735]; *Irish wedding* («ирландская свадьба») ‘очистка выгребной ямы/сточного колодца’ [S, 600].

15. **Предметы и факты материальной культуры:** *Irish whiskey* (*Irish*) ‘ирландское виски’ («считается, что ирландское виски значительно отличается от шотландского, и всегда само слово пишется иначе (*wiskey*)» [L, 695]; *Irish jig* ‘ирландская джига (народный быстрый танец)’ [L, 695]; *Irish coffee* ‘кофе со сливками и виски’ [L, 695]; *Irish stew* («ирландское тушеное мясо») ‘тушеная баранина с луком и картофелем’ [L, 695].

Итак, на основе концептуального анализа соответствующих ВЭ и ОД получаем следующий образ «ирландца» в английской языковой картине мира.

Его зовут обычно Патрик либо Майкл. Обитает где-то в болотистой местности. Как все ирландцы, черноглаз, а у его жены толстые ноги. Гневен и агрессивен, глуп и неотесан, а по отношению к окружающим - нечестен и нагл, хотя гостеприимен крайне (и это его единственное положительное качество!). В нем проглядывает «сексуальный монстр». Он беден, быт его примитивен. По роду занятий так или иначе связан с полицией: он либо сотрудник полиции, либо ее «клиент». В то же время он весьма религиозен, исправно соблюдает пост. Ирландцы едят тушеную баранину с луком и картофелем, пьют свое осо-

бое виски, которое добавляют даже в кофе вместе со сливками, а по праздникам танцуют знаменитую ирландскую джигу.

А вообще, ирландцев трудно понять – все у них не так, как должно быть у нормального человека, все у них какое-то «ненастоящее», шиворот-навыворот!

Сравнительный анализ языковых портретов различных инородцев предполагает рассмотрение полученных результатов в двух плоскостях: 1) выделение особенностей каждого из портретов на фоне других; 2) выявление общих тенденций в формировании образа «инородца» вообще в изучаемом языке.

Пытаясь объяснить особенности отражения образа того или иного инородца в языке, следует иметь в виду, что в каждом конкретном случае могут «работать» не только закономерности кросс-культурной психологии (этнические стереотипы, этноцентризм, аутистическая враждебность и т.д.), но и сугубо **языковые факторы**. Так, можно утверждать, что «гневный» образ «ирландца» в немалой степени сложился под воздействием языковой **аттракции**: здесь очевидно внутрисистемное влияние слова *ire* ‘гнев’ (ср. отмечаемую лексикографами «народную этимологию» названия *Ireland* как ‘страна гнева’ [WO]).

Портрет «ирландца» – наиболее детальный среди всех остальных портретов «инородцев» в английской языковой картине мира. Однако даже в случае такого разностороннего отражения остались «неотмеченными» лингвистически некоторые потенциально возможные аспекты. Вероятно, многоаспектность и высокая степень детализации образа «инородца» (как в случае с «ирландцем») являются скорее исключением, чем правилом; в большинстве случаев будет иметь место однобокость такого отражения – игнорирование одних аспектов и гипертрофированность других. Объединение же выводимых мотивов в более крупные группы (биологические, социальные и др.) позволит выявить возможный «крен» в языковом отображении конкретного «инородца». Так, образ одного может оказаться более «биологическим» (что, например, имеет место в случае с «французом» в английском языке) либо более социальным («еврей» в этой же языковой картине мира) и т.д. Даже соотношение между количеством выводимых «объектных» и «отсубъектных» (оценочных) характеристик может оказаться весьма красноречивым (как в случае с «голландцем» в рассматриваемом языке).

Отражение концепта «иноплеменный мир» в языковой картине мира. Здесь следует предложить подходы к выявлению и описанию фрагмента языковой картины мира, связанного с концептом «иноплеменный мир в целом». Для этого сформулируем понятие *лингвистической релевантности* («отмеченности») этноса, под которой понимается

наличие в лексической системе языка хотя бы единственного дополнительного (помимо собственно этнонима) наименования данного этноса и/или участие соответствующего этнонима во вторичной номинации с относительно устойчивой, повторяющейся семантикой, которая, в свою очередь, является узואльно закрепленной этноконнотацией. Таким образом, формальным критерием лингвистической «отмеченности» этноса является наличие в лексической системе языка соответствующих ОД и/или ВЭ. Разные этнические группы имеют различную степень лингвистической релевантности («отмеченности» в языковом узусе). Можно высказать следующую рабочую гипотезу: чем больше для какого-либо этноса (а также псевдоэтноса) в языке обнаруживается ВЭ и ОД, тем в большей степени этот этнос получил отражение в языке. Однако необходимо учитывать различные виды «дополнительного упоминания» этноса в системе языка (*дополнительное* – в смысле «помимо собственно этнонима в «первичном» значении»). Во-первых, это отражение может иметь место благодаря ВЭ, и тогда мы вправе говорить о действии семантического (семантико-психологического) закона, согласно которому наиболее важные предметы и явления в жизни народа получают разнобразную и подробную номинацию. В нашем случае – чем большее количество ВЭ имеется в языке для этноса, тем больше его значимость для данной языковой общности. Во-вторых, степень детализации языкового портрета конкретного «инородца» и интенсивность проявления в этом портрете определенных стереотипных черт находятся в прямой зависимости от количества соответствующих ОД и ВЭ с производными значениями (т.е. количества случаев языковой реализации этноконнотаций), а также от числа концептуально информативных (с «прозрачной» внутренней формой) ВЭ.

«*Карта этносов*» есть список всех лингвистически «отмеченных» этнических групп, включая и псевдоэтносы (неправильное с точки зрения этнографии «этническое» классифицирование обыденным сознанием), плюс соответствующая количественная информация, характеризующая способ и степень вхождения этих этносов в язык. Эта информация должна представлять собой следующие данные: 1) количество ВЭ для этноса; 2) количество случаев участия ВЭ во вторичной номинации; 3) количество ОД; 4) количество случаев «этнически отмеченных» названий предметов материальной культуры (в связи с размытостью границ внутри всей совокупности таких предметов между наиболее и менее значимыми для всего языкового сообщества условно ограничимся при выборке рамками лексикографических источников, представляющих общезначимую лексику); 5) количество мотивов, выводимых из

концептуально информативных ВЭ и ОД, как показатель степени детализации «языкового портрета» соответствующей этнической группы.

В результате такой обработки всего материала, собранного методом сплошной выборки, можно получить основную информацию об отражении концепта «иноплеменный мир» в языке. Список приводится в порядке убывания **интегральной лингвистической отмеченности** этноса, которая равна сумме всех обнаруженных для этого этноса ВЭ и числа случаев языкового проявления соответствующих этноконнотаций:

$ИЛО = N(ВЭ) + [N(ОД) + N(ВЭ2)]$, где ИЛО – интегральная лингвистическая отмеченность этноса; $N(ВЭ)$ – количество ВЭ для данного этноса; $N(ОД)$ – количество ОД для данного этноса; $N(ВЭ2)$ – количество случаев ВЭ с переносным значением.

(Отсюда $[N(ОД) + N(ВЭ2)]$ – число случаев языкового проявления этноконнотаций для данного этноса).

Подведем некоторые итоги.

ВЭ и ОД как носители концептуальной информации находятся на достаточно высоких ступенях соответствующей иерархии: в ОД информация об «инородце» закодирована на уровне коннотации, переходящей в концептуальное ядро значения, а в ВЭ – на уровне внутренней формы (что даже является высшей ступенью в данной иерархии языковых носителей концептуальной информации). Это дает нам основание считать ВЭ и ОД источниками некоего обобщенного знания, причем объективированного в самих языковых структурах в достаточно высокой степени. С другой стороны, используя данную лексику в качестве языкового материала для концептуального анализа, следует постоянно делать поправку ввиду известной «функциональной периферийности» этой лексики.

Предложенный в статье вариант концептуального анализа ВЭ и ОД ни в коей мере не претендует на исчерпываемость. Однако его приложение к конкретному языковому материалу, как показал опыт автора, может существенно помочь в исследовании малоизученных областей этнонимии.

Лексикографические источники (с указанием условных обозначений)

- CS – Thorne T. The dictionary of contemporary slang. N. Y., 1987.
- CU – Morris W., Morris M. Harper dictionary of contemporary usage. 2nd ed. 1985.
- L – Longman dictionary of English language and culture. Harlow, Essex, England. 1992.
- S – Partridge E. A dictionary of slang and unconventional English. Colloquialisms, catch-phrases, solecisms and catachreses, nicknames and vulgarisms. 8th ed. N.Y., 1988.
- WO – Shipley J.T. Dictionary of word origins. 2nd ed. N.Y., 1997.
- М – Мюллер В.К. Англо-русский словарь. М., 1992.
- Ф – Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М., 1984.